

Из поэмы Потерянный Рай

Автор: Мей Лев Александрович

АНГЛІЙСКІЕ ПОЭТЫВЪ БІОГРАФІЯХЪ И ОБРАЗЦАХЪ

Составилъ Ник. Вас. Гербель

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. М. Потомина. У Обуховскаго моста, д. No 931875

Изъ поэмы "Потерянный Рай":

1. Изъ первой пѣсни.-- Л. Мея
2. Изъ третьей пѣсни. -- Н. Гнѣдича
3. Изъ четвертой пѣсни. -- Л. Мея

ДЖОНЪ МИЛЬТОНЪ.

Джонъ Мильтонъ, замѣчательнѣйшій изъ поэтовъ своего времени и уступающій въ англійской литературѣ одному только Шекспиру, родился въ Лондонѣ 9-го декабря 1608 года. Предки Мильтона были католики; но отецъ его принялъ протестантство, вслѣдствіе чего былъ лишонъ наслѣдства своимъ отцомъ и принуждѣнъ былъ поселиться въ Лондонѣ, гдѣ и зарабатывалъ свой хлѣбъ писаніемъ прошеній въ судебныя мѣста. Твѣрдость, съ какою старикъ переносилъ лишенія, которымъ онъ добровольно подвергъ себя, лишь бы остаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, имѣла огромное вліяніе на развитие характера его сына, и сдѣлала его, впоследствии, суровымъ и непреклоннымъ поборникомъ свободы совѣсти. Музыкальныя способности отца также перешли къ сыну. Молодой Мильтонъ получилъ весьма хорошее образованіе: тщательно подготовленный дома, онъ былъ на пятнадцатомъ году отданъ въ училище св. Павла, въ Лондонѣ, откуда, два года спустя, перешолъ въ Кембриджскій университетъ. Будучи гордъ и самолюбивъ, онъ не терпѣлъ ни малѣйшаго принужденія и контроля, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть весьма прилежнымъ и окончить курсъ однимъ изъ первыхъ. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Мильтона былъ гимнъ на Рождество Христово, написанный имъ на 21 году своей жизни, еще въ бытность его въ университетѣ, въ которомъ каждый стихъ дышалъ красотою и дѣлалъ яснымъ для каждаго, какое новое и блестящее свѣтило готово было озарить англійскую поэзію.

Въ 1632 году Мильтонъ оставилъ университетъ со степенью магистра и поселился въ домѣ отца, купившаго небольшое помѣстье въ Букингамшейрѣ. Здѣсь прожилъ онъ около пяти лѣтъ, посвящая время изученію классической литературы и поэзіи; здѣсь же были написаны имъ извѣстныя маскарадныя піэсы его: "Аркадія" и "Конусъ", и поэма "Lucidas". Описательныя поэмы его "Весельчакъ" (L'Allegro) и "Меланхоликъ" (Il Penseroso) также считаются принадлежащими этому счастливому періоду его жизни, хотя нѣкоторые и предполагаютъ, что они были написаны имъ ещё въ университетѣ. Всѣ эти юношескія произведенія Мильтона напоминаютъ манеру Спенсера; что же касается "Комуса", то въ нёмъ замѣтно вліяніе Флетчера, Шекспира и другихъ поэтовъ. Лучшими изъ нихъ считаются поэмы "Аллегро" и "Пенсерозо". "Особенная манера Мильтона -- говорить Маколей -- нигдѣ не обнаружилась съ большею ясностью, какъ въ его двухъ сочиненіяхъ: "Аллегро" и "Пенсерозо". Трудно себѣ представить, чтобы механизмъ языка могъ достигнуть большаго совершенства, чѣмъ какого онъ достигъ въ этихъ двухъ поэмахъ: онъ настолько отличаются отъ другихъ поэмъ, насколько самая роза отличается отъ розовой воды: крѣпко замкнутая эссенція -отъ жидкой

микстуры. Ихъ скорѣе можно назвать не поэмами, а только мотивами, изъ которыхъ читатель можетъ, но собственному желанію, составить для себя поэму. Въ нихъ всякій эпитетъ можетъ служить предметомъ для пѣсни." Въ началѣ 1638 года Мильтонъ оставилъ Англію и, переѣзжая изъ города въ городъ, объѣхалъ, въ теченіе года, часть Франціи и почти всю Италію- Принятый какъ нельзя лучше первыми умами этой послѣдней ей страны, онъ посѣтилъ въ Римѣ Галилеи, бывшаго въ то время плѣнникомъ инквизиціи. Возвратившись на родину, Мильтонъ немедленно началъ свою публицистическую дѣятельность сильными наладками на роялистовъ и прелатовъ, во имя свободы мысли и слова. Вотъ что говоритъ Маколей, разбирая политическую дѣятельность славнаго поэта: "Онъ не былъ пуританиномъ, но былъ и вольнодумцемъ; такъ же мало принадлежалъ онъ и къ роялистамъ. Въ нёмъ были соединены въ гармоническую связь всѣ благороднѣйшія качества каждой изъ названныхъ нами партій. Мильтонъ выбралъ и обратилъ въ сущность своей натуры всё великое и хорошее, что было въ представителяхъ двора и парламента, готическихъ монастырей, мрачно-траурныхъ кружковъ круглоголовыхъ и въ членахъ тайныхъ обществъ; но, усвоивая себѣ всё, что находилъ въ нихъ хорошаго, онъ отвергалъ тѣ пагубныя стороны, съ которыми эти люди были въ соприкосновеніи. Подобно пуританамъ, онъ жилъ, какъ-будто постоянно находился передъ лицомъ великаго Учителя; подобно имъ, онъ постоянно обращалъ свои чувства къ Всемогущему Судіи и къ вѣчной наградѣ. Въ этихъ-то чувствахъ почерпалъ онъ, подобно пуританамъ, презрѣніе ко всему внѣшнему міру, ихъ энергію, ихъ спокойствіе и ихъ непреклонную рѣшимость. Но самый холодный скептикъ или самый отъявленный насмѣшникъ не могъ бы показать себя болѣе свободнымъ отъ ихъ бессмысленныхъ мечтаній, отъ ихъ дикихъ манеръ, ихъ напыщеннаго языка, ихъ пренебреженія къ знанію и отвращенія ко всякаго рода удовольствіямъ... Стараясь низвергнуть нетвёрдаго въ словѣ короля и угнетающую іерархію, онъ дѣйствовалъ только заодно съ другими. Но вся слава битвы, которую вѣлъ онъ, свобода, которой онъ требовалъ и которая имѣетъ самую высокую цѣну, свобода мысли человѣческой, эта слава и это побужденіе -- безраздѣльно принадлежать ему одному. Десятки тысячъ изъ его современниковъ подавали голосъ противъ сбора денегъ съ кораблей и противъ учрежденія верховнаго уголовного суда; но только весьма немногіе понимали гораздо-существеннѣе зло, которое заключалось въ духовно-нравственномъ рабствѣ, и тѣ блага, источникомъ которыхъ служить свобода прессы и неограниченное право частнаго мнѣнія."

Въ 1643 году Мильтонъ женился на дочери сельскаго дворянина Мери Поуэль; но учоныя занятія и философское уединеніе республиканскаго поэта пришлись съ первыхъ же дней до такой степени не по вкусу дочери кавалера, что она ещё до истеченія медоваго мѣсяца покинула мужа и уѣхала къ роднымъ. Огорчѣнный поэтъ уже хотѣлъ требовать развода и даже написалъ нѣсколько трактатовъ по этому предмету, когда жена его, раскаявшись, вернулась, наконецъ, къ нему и онъ, подобно своему Адаму, былъ побѣждёнъ женской прелестью. Что же касается ея родныхъ, обращавшихся съ нимъ враждебно и презрительно во всё время торжества королевской партіи, то онъ поступилъ въ отношеніи ихъ ещё великодушнѣе, оказавъ имъ защиту и помощь послѣ паденія королевской власти. Когда власть перешла въ руки пресвитеріанцевъ и ихъ сила стала не менѣе королевской тяжела для республиканцевъ, стѣснивъ свободу печати, Мильтонъ выступилъ противъ нихъ съ своею "Рѣчью за свободу печати", которая, не говоря о превосходномъ ея исполненіи по мысли и слогу, въ высшей степени замѣчательна тѣмъ, что первая поставила право свободной печати основою всей политической и религіозной свободы. При переходѣ власти въ руки республиканской партіи, правительственный комитетъ парламента назначилъ Мильтона государственнымъ секретарёмъ иностранныхъ дѣлъ. Эту важную и вліятельную должность поэтъ занималъ во всё продолженіе республики. Вершины же своей политической дѣятельности достигъ онъ изданіемъ своей извѣстной "Защиты англійскаго народа", въ которой онъ съ жаромъ доказываетъ право націи судить и наказывать преступныхъ тирановъ. Чрезмѣрное напряженіе при составленіи этой книги, написанной Мильтономъ по порученію Государственнаго Совѣта, лишило его зрѣнія.

Около этого же времени Мильтонъ лишился своей первой жены, что не помѣшало ему, въ исходѣ 1656 года, жениться снова на Катеринѣ Вудкокъ, дочери капитана, которая, спустя полтора года, также скончалась, вслѣдствіе несчастныхъ родовъ. Съ возвращеніемъ Стюартовъ, Мильтонъ подвергся тяжкимъ преслѣдованіямъ и даже заключенію въ тюрьму, а книги его были сожжены рукою палача; но въ декабрѣ 1660 года, вслѣдствіе распоряженія Нижней Палаты, онъ былъ освобождёнъ, такъ-какъ имя его не было включено въ число изъятыхъ изъ всепрощенія, обнародованнаго за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Возвратившись къ частной жизни, поэтъ могъ теперь свободно продолжать свои занятія и тѣмъ осуществить завѣтныя мечты своей юности о литературной славѣ- Хотя и тѣхъ поэмъ, которыя онъ написалъ въ

молодости, было совершенно достаточно, чтобы обезсмертить его имя, но для полноты его славы и славы его родины недоставало ещё его великой эпической поэмы. Предметом этой новой поэмы долженствовало быть потерянный рай, или падение человека, давно представлявшийся его воображению достойным сюжетом для поэтического произведения. Сначала он предполагал написать драму, как это видно из двух набросков, находящихся в его рукописях и сохранявшихся в Кембриджской библиотеке; но вскоре отказался от этой мысли и превратил драму в поэму, так-как талант его был более сроден эпической, чем драматической поэзии. Он начал свою бессмертную поэму, названную им "Потерянным Раем", разделённую на двенадцать пьес и написанную неримованным пятистопным ямбом, в начал 1658 года, и окончил в 1665, как свидетельствует Эльвуд, посетивший его в это время в деревне, куда поэт удалился по случаю чумы, свирепствовавшей в столицах.

В это время Мильтон был уже женат в третий раз. Его беспомощное положение, неразлучное с слепотой, нуждалось в женской заботливости -- и он упросил своего друга, доктора Педжета, найти ему жену. Педжет предложил ему свою двоюродную сестру, Елизавету Мнишель -- и они обвенчались в 1663 году. Невесты было всего 24 года. Она не имела от Мильтона детей и пережила его 53 годами.

"Потерянный Рай" был издан в 1667 году, причём рукопись была приобретена книгопродавцем Симонсом на следующих условиях: автор получает немедленно пять фунтов стерлингов, а по продаж 1300 экземпляров -- остальные пять фунтов; такую же сумму получает он после продажи такого же числа экземпляров 2-го издания и пять фунтов после продажи третьего. Третье издание вышло только в 1678 году, когда поэта уже не было на свете, после чего вдова его продала все свои права на "Потерянный Рай" Симону за восемь фунтов. "Господствовавшее тогда литературство", говорит Шерр, "из всех сил старалось не обращать внимания на величавое создание; но, не смотря на то, уже к началу 18-го века за Мильтоном была совершенно упрочена слава первого эпического поэта своей родины. "Потерянный Рай" составляет род божественной комедии, но только протестантской. При всей сверхъестественности содержания, здесь гораздо более человеческого, чем в поэме Данта. Лица Мильтона ближе к нам и возбуждают более живое участие, потому-что поэт умеет дать своему материалу форму действительности, то-есть поэтически действительного факта, умеет воплотить спиритуализм протестантского христианства в органически-связанную мифологию. Конечно, "Потерянный Рай" не может назваться вполне художественным эпическим созданием. Классические воспоминания и богословие сильно вредят поэме; первая внесла робкое подражание классическим образцам в форму, последнее -- догматические топкости в содержание. В том и другом случае Мильтон не мог перешагнуть предела, поставленного его уму современностью. Но в целом проходит дыхание мужественного республиканца, а потому Мильтон и сумел из своего Сатаны, из смелаго возмутителя против небесной автократии, создать такой величавый образ, который, как известно, не только составляет средоточие славы произведения, но, вместе с тем, чрезвычайно важен по своему влиянию на всю новую поэзию. Отдельные части поэмы имеют величайшее поэтическое достоинство. Как величественно-мрачно изображение ада и его властителей, какая оригинальная сила в полёте Сатаны по необъятной бездне хаоса, "колыбели природы и, быть-может, ее могилы", как трогателен гимн свету от лишенного зренья поэта (3-я пьеса), как прелестно описание рая и любви первой человеческой четы, как великолпна картина появления Сына Божия в боевых рядах небесной рати!

В 1671 году были окончены Мильтоном две новые поэмы: "Возвращённый Рай", сюжетом для которой послужило евангельское сказание о искушении Христа в пустыне, и "Подвиги Самсона". Хотя первая из этих поэм менее популярна, чем "Потерянный Рай" и "Comus", тем не менее и в ней виден гений Мильтона, а некоторые места даже не уступают самым лучшим местам "Потерянного Рая".

Между-тем, деятельная жизнь поэта приближалась уже к концу; но, не смотря на продолжительные страдания, ум его оставался светел до конца, так-как "сила его духа -- по словам Маколея -- торжествовала над всеми бедствиями. Ни слепота, ни подагра, ни лта, ни домашние огорчения и политическая неудача, ни злоупотребления и угнетения со стороны власти, ни пренебрежение в отношении к его особе -- ничто не могло потрясти его спокойного и величавого терпенья. Его прав был всегда одинаков и едва-ли гордость составляла порок его. По характеру Мильтон заслуживает название человека серьёзного и, может-быть, даже слишком строгого; но за-то никакие страдания не в состоянии были сделать этот характер мрачным и скучным. Он был одинаков и накануне великих событий,

когда возвращался домой из путешествий, в периодъ цвѣта физическаго здоровья и мужественной красоты, увѣнчанный литературной славой и согрѣтый патриотическими надеждами, и въ тѣ минуты, которыя проводилъ въ приготовленіяхъ къ смерти, испыталъ на опытѣ всѣ свойственныя нашей природѣ бѣдствія: старость, бѣдность, слѣпоту и холодность людей."

Мильтонъ скончался 8-го ноября 1674 года, на шестьдесятъ шестомъ году отъ рожденья, и похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

ИЗЪ ПОЭМЫ "ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ".

1.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

И девять разъ уже смѣнилось время,
Мѣрило дня и ночи для людей,
Какъ Сатана, со скопищемъ проклятымъ,
Лежалъ, въ горящей пропасти вращаясь,
Разбитый, сокрушонный, хотъ безсмертный.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему иная кара -- ,
И большая -была присуждена:
Его съ-тѣхъ-поръ терзать долженствовали
Двѣ мысли: объ утраченномъ блаженствѣ
И мукахъ, нескончаемыхъ во вѣки.
Уныло онъ вокругъ бросаетъ взоры,
Горящіе и скорбію мятежной,
И гордой, закоснѣлою враждою.
И вдалъ онъ смотритъ -- и вездѣ, куда
Достигнуть можетъ ангельское око,
Онъ видитъ лишь ужасную пустыню,
Обширную и дикую темницу,
Округлую со всѣхъ сторонъ, подобно
Горнилу распаленному; но пламя
Не изливаетъ свѣта въ ней, а только
Мракъ видимый, способный озарить
Мерцаніемъ ужасные предметы,
Страну печалей, горестныя сѣни,
Гдѣ никогда не могутъ обитать
Ни тишина, ни миръ; куда надежда,
Всѣмъ близкая, ни разу не достигла;
Гдѣ муки пытки длятся безконечно;

Гдѣ жупель несгораемый питаетъ
Всечасно прибывающій потокъ
Огня геэнны. Такова обитель,
Назначенная вѣчнымъ Правосудьемъ
Мятежникамъ. Ихъ мрачная темница
Удалена отъ Бога и отъ свѣта
На разстоянъе, большее трикраты,
Тѣмъ отъ земного средоточья полюсь.

О, какъ несхожа зга бездна съ высью,
Откуда духи свершенные пали!
И вотъ своихъ сообщниковъ въ паденьѣ,
Затопленныхъ горящими волнами,
Средь ярыхъ вихрей бурнаго огня,
Узрѣлъ онъ вскорѣ, и съ собою рядомъ
Узрѣлъ въ мученьяхъ скорченнаго духа,
Совмѣстника по силѣ и нечестью,
Того, къ кому, чрезъ вѣки, Палестина,
Постыдно поклоняясь, взывала:
Везльзевуль! Ему-то архи-врагъ,
На небѣ нарѣченнй Сатаню,
Ужасное молчаніе нарушивъ,
Вѣщаль такія дерзостныя рѣчи:

"Ты-ль это? О! какъ глубоко ты палъ!
Какъ непохожъ на образъ лучезарный,
Что нѣкогда въ блаженномъ царствѣ свѣта
Своимъ сіяньемъ яркимъ затымѣвалъ
Воителей небесныхъ миріады!
И ежели ты тотъ, кого со мною
Одни и тѣ-жь намѣренья и думы,
Одна и та-жь надежда и отвага
На славный подвигъ вмѣстѣ съединили,
Какъ съединяетъ равная погибель,
Ты видишь самъ, въ какую пропасть пали
Мы съ высоты, низверженія громами
И молніей Всевышняго. Но кто же
Доселѣ зналъ всю мощь Его десницы?"

Однако же ни эта мощь, ни кары,
Быть-можетъ уготованныя впредь
Мнѣ гнѣвнымъ Побѣдителемъ, не въ силахъ
Вселить въ меня раскаянье -- и я,
Хотя въ наружномъ блескѣ измѣнённый,
Не измѣню ни умысла того,
Ни высшаго того пренебреженья
Къ обидѣ, мнѣ неправо нанесённой,
Которыя принудили меня
Со Всемогущимъ смѣло состязаться
И вызвали на лютую борьбу
И бой тьмы-темъ духовъ вооружонныхъ.
Они Его владычество отринуть
Осмѣлились и предпочли меня,
И, воспротивясь силою своею
Всевышней Силѣ, средь равнинъ небесныхъ
Въ сомнительномъ бою поколебали
Его Престолъ. Мы потеряли поле;
Но что-жь? не всё потеряно: остались
И воля непреклонная, и месть,
И мужество, не свичное ярму.
Вотъ что во вѣкъ ни чѣмъ не побѣдимо!
И этой славы отъ меня исторгнуть
Ни гнѣвъ Его, ни сила не возмогутъ!
И неужель колѣнопреклоненно
Мнѣ пасть во прахъ челомъ и умолять
О милости, и власть боготворить
Того, Кто Самъ содрогнулся недавно
За власть Свою предъ грозной сей десницей?
О, нѣтъ! такое униженье будетъ
Безчестнѣй и позорнѣе паденья!
Зане, судьбы велѣньемъ, существо
И мощь духовъ ничѣмъ не сокрушимы,
Мы, опытомъ событій присно славныхъ
Увѣрясь въ силѣ нашего оружья
И искусясь въ предвидѣннѣ разумномъ,
Должны рѣшить, съ надеждой необманной,
Вести-ль отнынѣ силой, иль коварствомъ

Непримиримо-вѣчную войну
Съ Врагомъ великимъ -- Онъ же торжествуетъ
Въ избыткѣ радости побѣдной и дарить
На небесахъ Единый самовластно!"
Такъ говорилъ богоотступникъ-ангелъ
И, посреди мученій, громогласно
Отчаяньемъ и пыткой величался.

Л. Мей.

2.

ИЗЪ ТРЕТЕЙ ПѢСНИ.

Хвала, о музы, вамъ! Я зрѣлъ селеня звѣздны,
Безстрашно нисходилъ въ подземны Ада бездны;
Дерзаю вновь парить въ священный эмпирей,
Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
Хочу я Небо зрѣть, сей новый міръ блаженный,
Свѣтиломъ золотымъ согрѣтый, озаренный --
И се я чувствую огонь лучей его!
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего:
Зѣницы тускляя во тьмѣ ночной вращаю
И тщетно средь небесъ я солнце зрѣть желаю.
Увы, не просвѣтитъ оно моихъ очей!
Мой не увидитъ взоръ златыхъ его лучей!
Но ты, мой вѣрный другъ, божественная муза,
Ты не прервёшь со мной священнаго союза,
Не перестанешь гласъ мой слабый оживлять,
Когда я буду пѣснь святую воспѣвать!
Скитаясь по горамъ, до облакъ вознесѣннымъ,
Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зелѣнымъ,
Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой.
Въ одномъ безмолвіи бесѣдную съ тобой.
Мѣста, живившія мой томный духъ смущенный,
Гора Сіонская, и ты, ручей священный,
Что при столахъ ея задумчиво журчишь
И свѣтлую лазурь между цвѣтовъ катишь,
Васъ часто съ музою, слѣпецъ, я посѣщаю!
О, мужи славные, васъ часто призываю,

Слѣпцы, живушіе въ безсмертныхъ звукахъ лиръ,
Тирезій, Тамарисъ, божественный Омиръ!
Однимъ несчастіемъ я съ вами только равенъ!
Увы! подобно вамъ почто и я не славенъ?
Такимъ мечтаніемъ духъ слабый напитавъ
И силу новую воображенью давъ,
Вселенной чудеса я съ музой воспѣваю
И огонь души моей въ сихъ пѣсняхъ изливаю.
Такъ скромный соловей, въ ночной, безмолвной часъ
Сокрывшись въ мракъ лѣсовъ, ліётъ свой сладкій гласъ.
И годъ, и день, и ночь -- всё снова возродится;
Но для очей моихъ свѣтъ дня не возвратится;
Мой взоръ не отдохнётъ на зелени холмовъ;
Весна моя безъ розъ и лѣто безъ плодовъ.
Увы! я не узрю ни синихъ водъ безмѣрныхъ,
Ни утреннихъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ,
Ни богомужняго и кроткаго лица,
Въ чертахъ котораго блистаетъ ликъ Творца.
Вотще красуются цвѣтовъ различны роды:
Исчезли для меня всё красоты природы!
И небо и земля покрылись страшной тьмой --
И книга дивная закрылась предо мной.
Всё пусто, вѣчною всё ночью поглотилось
И солнце для меня навѣки закатилось.
Простите навсегда науки и труды,
Сокровища искусствъ и мудрости плоды!
Сокровищемъ искусствъ я больше не плѣнюся,
Плодами мудрости уже не наслажуся:
Всё скрыла ночь! Но ты, любимица небесъ,
Сойди на помощь мнѣ, расторгни мракъ очесъ:
О, муза, просвѣти меня огнёмъ небеснымъ!
И не останусь я въ потомствѣ неизвѣстнымъ,
Открывъ безтрепетно въ священной пѣсни сей
Сокрытое до днесъ отъ смертнаго очей.

Н. Гнѣдичъ.

Ничто съ Эдемомъ не могло сравниться
И всё красой далёко отстояло
Отъ сада ассирійскаго, гдѣ врагъ
Обозрѣвалъ кругомъ базъ наслажденья
Всѣ роды наслажденій и всѣ роды
Живыхъ существъ, для взора странно-новыхъ.
Межъ ними два, съ осанкой благородной,
Съ богоподобно-возвышоннымъ станомъ.
Единой ризой чистоты одѣты,
Казались, въ ихъ величьи обнажонномъ,
Достойными владыками всего.
Во взорахъ ихъ сіяль и отражался
Всеславнаго Создателя ихъ образъ
И истина, и разумъ, и святая,
Покорная любовь дѣтей къ отцу --
Покорная, но вольная -- что людямъ
Могущество одно лишь придаетъ.
Однако та чета была неравной,
Какъ былъ перавнымъ самый полъ ея.
Онъ созданъ былъ на мощь и созерцанье,
Она -- на чары нѣжныя и прелесть;
Онъ созданъ былъ единственно для Бога,
Она -- для Бога, въ образѣ его.
Его чело высокое и взоры
Являли власть верховную, а кудри,
Темнѣе гіацинта, низпадали
Съ пробора вровень съ мощными плечами.
У ней, до самыхъ легко-стройныхъ чреслъ,
Покровомъ пали золотыя пряди
Волосъ волнистыхъ, сладострастно-мягкихъ,
Какъ завитокъ весенній винограда.
Зависимость они обозначали,
Но обоудно-признанную впрочемъ,
Зависимость, къ которой власть и сила
Тѣмъ легче и нѣжнѣе относились,
Чѣмъ болѣе встрѣчали и отпора,
И гордости въ уклончивости скрытной...

И не было таинственно сокрыто
Ни что, затѣмъ-что не было стыда.
Позорный стыдъ, предъ тайнами природы
Безчестное исчадіе грѣха,
Прикрытое личиной ложной чести,
Ты возмутилъ весь родъ людской и изгналъ
Изъ благозданной жизни челоука
И простоту, и свѣтлую невинность!

И такъ они нагими пребывали
Передъ очами ангеловъ и Бога,
Затѣмъ-что зла ещё не испытали.
Рука съ рукой гуляла по Эдему
Младая, несравненная чета.
Подобной ей потомъ не соединяла
Любовь въ своихъ объятіяхъ! Адамъ --
Красивѣйшій изъ всѣхъ послѣрождённыхъ
Его сыновъ, и образецъ красоты
Межъ дочерей земли прелестныхъ -- Ева.
Подъ кущею тѣнистою деревьевъ,
Дышавшею прохладой, на лужайкѣ,
Близъ свѣжаго источника, они
Возсѣли рядомъ. Ихъ подѣнный трудъ
Средь вертограда райскаго нуждался
Лишь въ дуновеньи тихаго зефира
И самый отдыхъ дѣлалъ имъ покойнѣй,
Потребность въ пищу лёгкой возбуждая
И жажду. Здѣсь супруговъ ожидала
Вечерняя трапеза изъ плодовъ,
Но изъ плодовъ, въ которыхъ чистый нектаръ
Повсюду сами вѣтви подносили.
Привѣтливо склоняясь надъ четою
И надъ пушистымъ берегомъ потока.
Узорчато-закованнымъ въ цвѣты.
Плодъ сладкій, вмѣстѣ съ кожицей душистой,
Они вкушали, утоляя жажду
Струёй кристальной полного потока.
И не было за трапезой супружной

Ни въ нѣжныхъ разговорахъ недостатка,
Ни въ ласково-осмѣленныхъ улыбкахъ,
Ни въ шалостяхъ ребяческихъ, присущихъ
Четѣ, сопряженной узами любви
И одинокой. Окрестъ ихъ рѣзвися,
Играли всѣ животныя земныя,
Всѣ звѣри, что въ послѣдствіи сокрылись
Въ глуши лѣсовъ, въ степяхъ или въ пустыняхъ,
Припавъ къ землѣ, катался левъ и въ лапахъ
Козлёнка песталь; прыгали кругомъ
Медвѣди, тигры, барсы и пантеры;
Слонъ неуклюжій тѣшилъ ихъ, стараясь
Сгибать искусный хоботъ свой, и рядомъ,
Сплетая въ узелъ гордіевъ всѣ кольца,
Змій вкрадчивый и хитрый извивался
И проявлялъ въ движеніяхъ коварство,
Котораго ещё не опасались.
Другія же животныя, насытясь
Обильной нищей, на травѣ лежали,
Или жевали жвачку, ибо солнце
Съ наклоннаго ристалища спѣшило
Спуститься въ море, къ дальнимъ островамъ,
И воздымалъ вѣсовъ небесныхъ чашу
Со звѣздами привратникъ неба, вечеръ.

Тугъ Сатана, всё время пребывавшій
Въ безмолвномъ созерцаньи, на послѣдокъ
Обрѣлъ давно-затихнувшее слово --
И молвилъ, опечаленный: "О, адъ!
Что съ грустію невольною я вижу?
На верхъ блаженства нашего, со славой,
Вознесены иныя существа,
Быть-можетъ, земнородныя, не духи,
Но близкія во всёмъ къ духамъ небеснымъ.
Гляжу на нихъ я съ жаднымъ изумленьемъ --
И могъ бы полюбить ихъ: такъ подобенъ
Въ нихъ божій образъ, и такую прелесть
Создателя десница въ нихъ вложила.

О, милая чета! ты и не знаешь,
Какъ отъ тебя превратный жребій близокъ,
Какъ скоро радость замѣнится горемъ,
Тѣмъ большимъ горемъ, чѣмъ полнѣе радость!
Вы счастливы, но счастье ваше мало
Охранено, и вашъ высокій рай
И ваше небо также очень мало
Защищены передъ такимъ врагомъ,
Какой теперь къ вамъ входитъ... но врагомъ
Не вашимъ... Нѣтъ! я чувствую къ вамъ жалость,
Безжалостный; ищу союза съ вами,
Взаимной дружбы, искренной и тѣсной,
Такой, чтобъ намъ отнынѣ обитать
Иль съ вами мнѣ, иль вамъ со мной. Быть-можетъ,
Моя обитель васъ и не плѣнитъ,
Какъ этотъ рай прелестный -- что же дѣлать?
Она - созданье вашего Творца;
Онъ самъ ей мнѣ даровалъ въ наслѣдье --
И я дѣлюсь охотно съ нами. Адъ
Свои врата широкія разверзнетъ
И вышлетъ вамъ владыкъ своихъ на встрѣчу.
Для вашихъ многочисленныхъ потомковъ
Простора будетъ много тамъ -- не такъ,
Какъ въ этомъ ограниченномъ пространствѣ --
И если лучше мѣста не нашлося,
Благодарите искренно Того,
Кто за свои обиды вынуждаетъ
Мстить даже но обидѣвшимъ меня.
Но пусть бы и невинностию вашѣй
Подвигнуть былъ, какъ и теперь, на жалость,
Общественное благо, честь, стремленье
Къ владычеству надъ этимъ новымъ міромъ
И жажда мести мнѣ повелѣваютъ
Исполнить то, предъ чѣмъ въ иное время
Хоть и проклятый -- я бы содрогнулся."

Такъ общій врагъ и въ оправданье
Своихъ проступковъ демонскихъ привёлъ

Необходимость -- доводъ всѣхъ тирановъ.
Онъ кончилъ рѣчь. Три раза измѣнило
Ему лицо; три раза поблѣднѣло
Отъ зависти, отчаянья и гнѣва,
И каждому внимательному оку
Могло бѣ открыть коварную личину,
Затѣмъ, что духи свѣта не-причастны
Волненью необузданныхъ страстей.
Замѣтилъ онъ своё смущенье скоро,
Смѣнилъ его спокойствіемъ наружнымъ,
И -- лжи отецъ -- дитя своё онъ первый,
Объ первый внёсъ въ святыя сѣни рая,
Прикрывши ею месть и вѣроломство.
Но не возмогъ коварный обмануть
Всевидящаго ока Уріила.
За немъ слѣдилъ архангелъ вѣщимъ взоромъ
И, на вершинахъ ассирійскихъ горъ,
Въ его чертахъ замѣтилъ измѣненье,
Несродное блаженнымъ: и приёмы,
И гордую походку, ибо онъ
Считалъ себя незримо-одинокимъ.

Стремился онъ и близился къ предѣламъ
Эдема, гдѣ роскошный вертоградъ
Увѣнчивалъ зелёною оградой,
Какъ-бы плетнёмъ, возвышенную плоскость
На дикой кручѣ. По бокамъ спускались
Лѣса густыми, тѣмными кудрями,
Входъ воспрещая; а изъ самой гущи
Вздымались, тѣни длинныя бросая,
И кедръ, и ель съ развѣсистую пальмой.
Всё выше: тѣнь лилася выше тѣни;
Уступами -- лѣсной амфитеатръ.
Но выше ихъ верхушекъ поднялося
Зелёное забрало вертограда.
Съ него глядѣлъ нашъ праотецъ далёко
На всѣ свои окружныя владѣнья.

Ещё повыше, рядомъ полукруглымъ.
Неслися вверхъ маститыя деревья,
Покрытыя цвѣтущими плодами.
Въ нихъ золото сливалось съ эмалью;
На нихъ и солнце радостнѣй играло
Своимъ лучѣ.чъ, чѣмъ на вечернихъ тучкахъ
Или на влажной радугѣ, когда
Господь дождями орошаетъ землю.
Былъ чудный видъ. И свѣжею струёю
Въ грудь Сатаны вливался чистый воздуха,
И вѣялъ онъ весною и весельемъ,
И могъ-бы онъ развѣять всѣ печали,
Когда бъ души отчаянье не жгло.

И вотъ, стрясая съ крыльевъ ароматы,
Летятъ зефиры нѣжныя и шепчутъ --
Гдѣ взяли благовонную добычу.
По такъ ли, Мысль Надежды обогнувши.
Стремятся мореходы къ Мозамбику,
И вдругъ нордъ-остъ внезапно къ нимъ доносить,
Отъ самыхъ Савскихъ пряныхъ береговъ,
Весь ароматъ Аравіи-Счастливой --
И замѣдляютъ плаванье они,
Чтобы до дна исчерпать благовонья,
Смягчившіе пахучею росюю
Суровыя морщины океана?
Такъ усладилъ всеобщаго врага
Эдемскій воздухъ благорастворѣнный!
Но не былъ такъ пріятенъ рыбій дымъ
Влюбленному въ жену Товита-сына
И изгнанному силой Асмодею,
Когда бѣжалъ онъ изъ страны Мидійской
И скованъ былъ въ Египтъ Божимъ гнѣвомъ.

Подошвы этой крутизны пустынной
Достигъ стопою тихой Сатана
Задумчиво; но далѣе не могъ онъ
Найти прохода: "частые подростки

Кустарниковъ росли сплошной стѣною,
Загорожая путь и человѣку,
И звѣрю. Былъ одинъ лишь входъ съ востока;
Но пренебрѣгъ имъ архи-возмутитель:
Презрительнымъ прыжкомъ онъ перенёсся
Черезъ самую высокую ограду
И на ноги въ Эдемъ сталь.

Какъ волкъ

Своей добычи ищетъ, голодая,
И, подсмотрѣвъ, гдѣ пастыри подъ вечеръ
Замкнули стадо, загородку хлѣва
Свободно перескакиваетъ, или,
Какъ дерзкій тать, задумавшій похитить
Скоплѣнную казну у гражданина,
Хранимую запорными дверями,
Влѣзаетъ въ домъ сквозь кровлю, иль въ окошко,
Такъ въ Божье стадо вкрался тать первѣйшій.
Такъ послѣ въ Церковь вкрались нечестивцы!
И вотъ, взлетѣвши, онъ на Древо Жизни
Срединное и высшее надъ всѣми,
Сѣлъ въ видѣ ворона; но не объ жизни --
О смерти всѣхъ живущихъ онъ подумаль:
Не вникъ онъ въ свойство Древа-жизнедавца,
Дарившаго безсмертіемъ, а только
Избралъ его возвышенною точкой.
Такъ всякое дыханье -- кромѣ Бога --
Не знаетъ часто истаго добра
И -- благосотворѣнное -- стремится
Себѣ но вредъ и въ гибель обратить.
Вокругъ себя глядитъ онъ съ изумленьемъ
И видитъ всѣ сокровища природы,
Въ пространствѣ тѣсномъ собранныя въ купѣ
Для услажденья чувства человѣка,
Иль, лучше, видитъ небо на землѣ:
Затѣмъ, что рай блаженный былъ -- отъ Бога
Восточно - насаждѣнный вертоградъ.
Съ востока цвѣлъ онъ впрямь отъ Арарата
До башень присно-славной Селевкии,

Воздвигнутыхъ владыками Эллады;
Тамъ древле обитали, въ Фелассарѣ,
Сыны Эдема. Въ сей благословенной
Странѣ Господь возвѣлъ Своей десницею
Стократъ - благословенный вертоградъ.
Онъ восхотѣлъ -- и -- по Его велѣнью --
Произросли изъ плодородной почвы
Всѣ злаки и деревья -- обольщенье
Для зрѣнья, обонянiя и вкуса.
Всѣхъ выше ихъ возникло Древо Жизни
Цвѣченное пахучими плодами
Растительнаго золота; по съ жизнью
Стояла рядомъ наша смерть: то Древо
Познанiя Добра и Зла, то Древо,
Которому такъ много заплатили
Всѣ люди за познанiе добра,
Познавши зло. На полдень протекала
Черезъ Эдемъ широкая рѣка,
Не измѣняя своего теченья,
И межъ листвы кудрявой крутояра
Стремилася въ невѣдомую бездну.
Тотъ крутояръ Господь кругомъ разбросилъ,
Какъ образецъ, гдѣ вылилъ Онъ Эдемъ.
А токъ воды, по скважинамъ, повѣдалъ
Всѣ жаждущiя силы земляныя
И брызнулъ вверхъ жемчужнымъ водометомъ --
И рай несчѣтно оросилъ ручьями.
Потомъ, струи собравши во-едино,
Внизъ ринулся широкимъ водопадомъ
Въ объятiя тѣмной, влажно-лонной бездны;
Но на четыре вѣтви раздробился
Передъ впаденьемъ въ море, и промчался
Но славнымъ царствамъ и странамъ далѣкимъ --
О нихъ-же здѣсь не можетъ быть помину.

Л. Мей.